

Не искажать историю народов Средней Азии

(О брошюре А. А. Семенова «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии»)

Советская историческая наука достигла больших успехов в области изучения истории и материальной культуры народов СССР и, в частности, народов Средней Азии. В трудах советских археологов были раскрыты неизвестные ранее страницы далекого прошлого Средней Азии. Древний Хорезм, Согдиана и другие предстали перед исторической наукой как крупнейшие для своего времени культурные и политические центры, сыгравшие выдающуюся роль в древней и средневековой истории СССР в целом.

Поэтому вызывает законное недоумение выпущенная недавно таджикским филиалом Академии наук СССР брошюра А. А. Семенова «Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии», где не только не нашли себе места результаты работ советских ученых за последние 10—15 лет, но проповедуются антинаучные, реакционные взгляды.

Недоумение это, впрочем, скоро рассеивается и сменяется возмущением, так как оказывается, что названная работа А. А. Семенова представляет собой не что иное, как подновленную перепечатку его же брошюры «Материальные памятники арийской культуры», опубликованной свыше двадцати лет назад. Заменяя в заглавии «арийскую культуру» «иранской», А. А. Семенов лишь грубо замаскировал антинаучность своей концепции.

Было бы неправильно отрицать роль иранских народов в истории культуры Средней Азии. Но когда «иранскими» оказываются все без исключения сколько-нибудь замечательные памятники культуры Средней Азии вплоть до заведомо узбекских памятников XIX века, когда вся история культуры народов Средней Азии рассматривается лишь как результат «иранских» влияний, когда в исторической работе нет ни слова о подлинной истории народов Средней Азии, нельзя не признать, что автор совершенно напрасно изменил заглавие своей работы. Перед нами типично расистская, «арийская» концепция исторического

процесса, целиком сведенного к процессу распространения и влияния носителей «высшей» арийской или иранской культуры на все остальные народы Средней Азии.

Что касается фактических данных, приведенных в брошюре А. А. Семенова, то они почти без исключения имеют дореволюционный возраст. Данные по истории Ферганы, например, не моложе 90-х годов. А там работала в советское время большая экспедиция М. Е. Массона. Нет ни слова о советских экспедициях 1934 и 1939 гг. в Согдиане. Нет ни слова о раскопках Г. В. Григорьева, открывшего в Тали-Барзу древнейшие согдийские памятники. При характеристике Термеза упоминаются лишь работы Б. П. Деника 1926—1929 гг. и ничего не сказано о большой, многолетней экспедиции М. Е. Массона, ознаменовавшейся такими великодушными открытиями, как айртамский фриз. По сути дела на 900-х годах обрывается у А. А. Семенова изучение Хорезма, так широко развернувшееся за последние годы.

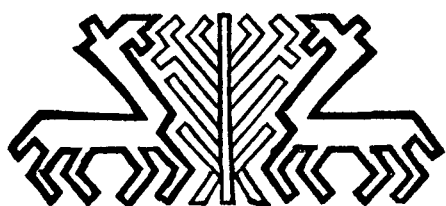
Автору оказываются гораздо более близкими и известными работы членов «Туркестанского кружка любителей археологии», подвизавшихся под высоким покровительством туркестанского генерал-губернатора, чем работы советских археологов, о которых он знает понаслышке или совсем не знает, и похоже на то, что и не хочет знать.

Брошюра А. А. Семенова была бы вполне уместна в изданиях «Туркестанского кружка любителей археологии», от которых она не отличается ни по уровню фактических знаний автора, ни по его взглядам. Но появление ее в советском издании в 1945 г. не может не быть расценено как акт недопустимого либерализма со стороны руководства таджикского филиала Академии наук к расистским концепциям.

С. ТОЛСТОВ,
Профессор Московского
Государственного университета
им. М. Ломоносова.

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

С. П. ТОЛСТОВ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(К двадцатипятилетию национального размежевания Средней Азии)

I

Всенародное празднование семидесятилетия великого вождя народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества, верного ученика и гениального продолжателя Ленина — товарища Сталина, совпало во времени с двадцатипятилетним юбилеем одной из величайших побед ленинско-сталинской национальной политики — национального размежевания Средней Азии, осуществленного по инициативе и под непосредственным руководством И. В. Сталина.

18 декабря 1949 г. торжественно отпраздновал двадцатипятилетие своей республики каракалпакский народ. 17 января 1950 г. был отмечен двадцатипятилетний юбилей Узбекской Советской Социалистической Республики. 29 января праздновал свое двадцатипятилетие советский Туркменистан. В эти же дни радостного праздника народов Средней Азии 18 декабря развернулись торжества, посвященные двадцатилетию третьей по счету среднеазиатской союзной республики — Таджикистана. В эти дни сердца всех советских людей в этих республиках были наполнены чувством глубочайшей признательности тому, чье мудрое политическое предвидение наметило единственно правильный путь к ликвидации феодально-колониальной отсталости, к выведению народов Средней Азии на широкую дорогу социалистического преобразования, на путь строительства коммунизма.

Как и вся политика нашей партии, как и вся ленинско-сталинская национальная политика, национальное размежевание Средней Азии явилось блестящим практическим применением к конкретным среднеазиатским условиям той глубоко обоснованной, стройной и последовательной научной теории национально-колониального вопроса, основные положения которой были намечены великим Лениным и которое получило свое полное и классическое развитие в гениальных трудах И. В. Сталина.

Национальное размежевание Средней Азии является наглядным примером того, как «...наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹, как «...в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов»². 25 лет назад в своей исторической речи на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока 18 мая 1925 г. товарищ Сталин говорил,

¹ «История ВКП(б), Краткий курс», стр. 109.

² Там же.

подводя итоги только что завершившегося национального размежевания:

«Буржуазная пресса усматривает в этом размежевании «большевистскую хитрость». Между тем ясно, что тут проявилась не «хитрость», а глубочайшее стремление народных масс Туркменистана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, близкие и понятные им. В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих». Теперь настал момент, когда появилась возможность **воссоединить** эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, **воссоединение** разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей»³.

II

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции ни один из народов Средней Азии не консолидировался в нацию буржуазного типа. Некоторые признаки этой консолидации могут быть отмечены только для узбеков — самой крупной и экономически развитой народности Средней Азии. Но и в отношении узбеков можно говорить лишь о начальных этапах формирования буржуазной нации.

Вместе с тем основные народности Средней Азии сложились уже около тысячелетия назад — примерно в ту же эпоху, с которой было связано формирование основных народностей Европы, в эпоху раннего средневековья, когда завершился процесс сложных этнических скрещений, характеризующих бурный и мучительный процесс перехода от рабовладельческого к феодальному общественному строю. К IX в. в основном завершился процесс формирования таджикской народности⁴. На IX—X вв. падает блестящий расцвет раннесредневековой таджикской культуры, озаменованный деятельностью таких корифеев таджикской литературы, как Рудеки, Дакики и гениальный Фирдоуси⁵. Общеизвестна роль таджикского народа как основного этнического ядра блестящего раннефеодального государства саманидов, по уровню своего экономического, политического и культурного развития далеко оставившего позади современные ему государства раннесредневекового Запада. Не случайно в своей приветственной телеграмме Таджикской областной партийной конференции в 1925 г. товарищ Сталин писал:

«Таджики имеют богатую историю; их большие организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляли тайны»⁶.

В XI—XII вв. в рамках государства караханидов, а затем — хорезмшахов складывается в основных своих чертах узбекская народ-

³ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 136—137.

⁴ Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, т. I, М., 1949, стр. 173—174; С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 304.

⁵ Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 189 сл.

⁶ Цит. по сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», Ташкент, 1940, стр. 223.

ность, формируются основные особенности узбекского языка и появляются первые памятники узбекоязычной литературы⁷.

К IX—X вв. относится сложение основного ядра туркменской (огузской) народности. Особенности туркменской речи ярко выступают в словарных и фольклорных материалах, собранных в «Диване» Махмуда Кашгарского⁸.

К тому же периоду (VIII—XII вв.) относится формирование основных этнических особенностей киргизской, казахской и каракалпакской народностей — процесс, который вполне завершается в XV—XVI вв.⁹

История всех этих народов уходит корнями в глубокую древность, восходя к блестящей культуре народов античной Средней Азии — бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев, парфян. Без учета культурных традиций античной Средней Азии не могут быть до конца поняты характерные, неповторимые особенности национальной культуры, быта, языка, искусства современных среднеазиатских народов¹⁰.

К этим, достаточно четко определившимся уже в раннем средневековье особенностям среднеазиатских народностей в полной мере приложимы слова И. В. Сталина:

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»¹¹.

Вот этих-то благоприятных условий как в средневековый, так и в новый период истории Средней Азии не было. Наоборот, условия экономического и политического развития народов Средней Азии в эти периоды сложились крайне неблагоприятно. Катастрофа монгольского нашествия, разразившаяся над большей половиной Старого Света, явилась основной причиной последующего длительного отставания стран, сделавшихся его жертвой, от вырвавшихся вперед, используя благоприятную историческую ситуацию, стран Западной Европы, избежавших этой катастрофы благодаря тому щиту, которым для них явился героический русский народ. До монгольского нашествия Западная Европа была одним из весьма отсталых уголков Евразийского континента. Уровень культуры ее народов в те времена не мог идти ни в какое сравнение с уровнем культурного развития стран Востока — Китая, Индии, Ближнего Востока, Средней Азии, родившей в X—XII вв. таких гигантов научной мысли как бухарец Абу-Али ибн Сина (Авиценна), как хорезмийцы Мухаммед ал-Хорезми и Абу-Райхан ал-Бируни, таких замечательных писателей, как гениальный Фирдоуси, как Насири Хусрау и целая плеяда других.

Катастрофа монгольского нашествия по-разному сказалась в различных странах. Наиболее жестокими были ее результаты именно в странах Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, где катастрофи-

⁷ А. К. Боровков, *Очерки по истории узбекского языка*, V, 1948, стр. 229 сл. С. П. Толстов, *Указ. раб.*, стр. 304; его же, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948, стр. 309.

⁸ А. А. Росляков, *Происхождение туркменского народа (тезисы)*. Программа VIII Научной конференции Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького, Ашхабад, 1950, стр. 9—10; С. П. Толстов, *Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии*, стр. 304; его же, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, стр. 244 сл.; его же, *Города гузов*, журн. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 55 сл.

⁹ «История Казахской ССР», т. I, 2-е изд., стр. 108—109; С. П. Толстов, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа*, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947.

¹⁰ См. сб. «Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия Наук СССР», М., 1949, стр. 763—764, 766.

¹¹ И. Сталин, *Соч.*, т. II, стр. 336.

ческие последствия разрушения созданной трудом многих десятков поколений ирригационной сети, при тогдашнем уровне производительных сил, могли быть восстановлены также только веками.

«Этим (ролью ирригационного хозяйства.— С. Т.) также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации», — писал в 1853 г. К. Маркс¹².

Мало того. Отмеченное в свое время Марксом¹³ типичное для многих стран Востока, в частности (и, пожалуй, в особенности) для Средней Азии сосуществование земледельческого хозяйства одной части населения с кочевым бытом другой, — в условиях послемонгольского времени привело к весьма тяжелым последствиям. Задача обороны от кочевников ирригационных систем оазисов, земледельческих поселений и городов, являвшаяся столь же важной функцией центрального правительства, как и забота о строительстве и поддержании в порядке каналов, и вызвавшая к жизни развитие ранних форм государственной централизации, характерных для раннесредневековой Средней Азии, — оказалась невыполнимой при новых, созданных монгольским нашествием условиях. Если кратковременный период феодальной раздробленности, последовавший за падением раннефеодального саманидского государства, был уже к середине XII в. преодолен государством хорезмшахов, вставшим на путь формирования зрелой военно-бюрократической феодальной монархии¹⁴, то монгольское нашествие явилось предпосылкой для глубокого феодального распада, для развязывания феодальных усобиц, обусловленного длительным периодом тегемонии в среднеазиатских странах аристократии кочевых племен с их полупатриархальным-полуфеодальным общественным укладом.

Процесс формирования феодальной монархии, опиравшейся на военно-бюрократическое дворянство и мощный патрициат городов, и вызванной к жизни расцветом сельского хозяйства, ремесленной промышленности и торговли, — оказался прерванным и в новых исторических условиях практически неосуществимым. В этой связи нельзя не привести слова И. В. Сталина: «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»¹⁵.

Заключение Ф. Энгельса¹⁶ об условиях исторического развития феодальной Германии в XVI и последующих веках: «что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое объединение немцев в единую *нацию*, что оно допускало лишь местную и провинциальную централизацию и что поэтому носители этой централизации в общем расщеплении, князья, составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение общественных и политических отношений»¹⁷, — может быть в еще большей степени применено к народам Средней Азии того же и последующего времени.

То, что говорит Энгельс о «децентрализации, местной и провинциальной самостоятельности, промышленного и торгового отчуждения

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 348.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 483.

¹⁴ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 13 сл., 170, 344.

¹⁵ «Правда», 7 сентября 1947 г.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 118 и особенно 195.

¹⁷ Там же, стр. 195 (разрядка наша.— С. Т.).

провинций друг от друга и плохого состояния путей сообщения»¹⁸, может с еще большим правом быть применено к Средней Азии: ее горные хребты и огромные пространства пустынь требовали для своего преодоления гораздо более высокого уровня развития производительных сил, а старые экономические очаги являлись естественными центрами притяжения, к которым тяготели близлежащие оазисы и племена.

Картина еще более осложнялась многоплеменностью населения. Каждый из политических очагов, возникающих в процессе частичного и неполного преодоления феодальной раздробленности на путях провинциальной централизации, неизменно выступал как национальное образование. Хорезм, с XVII в. известный России и Западу как Хивинское ханство, включал в свой состав узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов; Бухара — узбеков, таджиков, туркмен, в различные периоды также казахов и киргиз, не говоря о различных мелких этнических группах — арабах, евреях, мервских переселенцах — иранцах и др.; Коканд, самое молодое из среднеазиатских ханств, — узбеков, таджиков, казахов, киргиз.

XVIII век — время острого социально-политического кризиса Средней Азии, предпосылкой которого явилось резкое отставание ее социально-экономического развития. Упадок ирригации, приведший к глубокой застойности феодальных отношений, переплетавшихся с самыми отсталыми формами дофеодальной экономики, находившимися в глубоком противоречии с возросшими аппетитами феодалов, втянутых условиями международной торговли в развитие товарно-денежных отношений; порожденное той же экономической отсталостью политическое бессилие среднеазиатских ханств, — такова была мрачная картина, сложившаяся в Средней Азии к середине XVIII в. «Затянувшееся на века состояние феодальной раздробленности и нескончаемые феодальные войны, переплетение торгового капитала с феодальным землевладением и роль купцов, преимущественно как посредников в торговле ханов и феодальных владетелей, консервативно-феодальная форма ремесла, крайне отсталая техника — все это не давало возможности возникновения машинного производства и мешало развитию наемного труда, складыванию капиталистических отношений и образованию внутри феодального общества класса промышленной буржуазии, которая в тех условиях могла бы возглавить борьбу за переход к новой общественно-экономической формации... Этот кризис мог быть разрешен только путем революции, но для ее совершения еще не созрели внутренние силы. Многочисленные народные возмущения не могли в тех условиях перебраться в антифеодальную революцию»¹⁹.

Именно к концу этого кризиса окончательно консолидируются упомянутые три очага провинциальной централизации. При этом образование Кокандского ханства, явившегося, в противоположность Хорезму и Бухаре, политическим новообразованием, сложившимся в условиях бурного экономического роста верхнесырдарьинских районов в связи с все более и более увеличивающимися экономическими связями этого угла Средней Азии с Россией, — еще более осложнило и без того сложную и пеструю картину политических и этнических отношений.

В условиях жестокого национального гнета, связанного с процессами областной централизации и активизации захватнической политики Персии, в особенности при Надир-шахе, использовавшем для своей агрессии обстановку упомянутого кризиса XVIII в., — мы видим зарождение первых национально-освободительных движений среди туркмен и каракалпаков, впервые осознающих свое национальное единство. Это нашло свое отражение в деятельности целой плеяды замечательных по-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 127.

¹⁹ Б. Б. Рахмонов, Ученые труды, т. 1, стр. 200.

этов и мыслителей туркменского народа во главе с Махтум-кули. В проникновенных стихах поэт призывает своих соотечественников к политическому объединению:

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум²⁰ пришли.
Теке, йомуд, гоклен, языр и алили²¹ —
Отныне мы должны единой стать семьей²².

Поэт призывает туркмен к политическому объединению для всенародной борьбы против угнетателей — персидских шахов — и мечтает о счастливом будущем, когда будет изжита межплеменная вражда и туркменский народ заживет свободно и независимо, единой дружной семьей:

Единой семьей живут племена,
Для пиршеств расстелена скатерть одна;
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред сынами
Туркмении.
Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен, —
Трепещут враги пред полками
Туркмении²³.

Упорная борьба каракалпакского народа против жестокого ига хивинских ханов в конце XVIII и в первой половине XIX в. выдвинула целый ряд выдающихся идеологов этой борьбы в лице замечательных народных поэтов Жиен-жирау, Кун-ходжи и особенно Бердаха (1827—1900), которые бичевали в своих песнях и поэмах угнетателей — ханов и сделавшихся их слугами каракалпакских полуфеодалов, представителей духовенства; поэты воспевали героев национально-освободительной борьбы, оплакивали страдания народа и призывали к его единению²⁴.

Бердах является вместе с тем первым историком каракалпаков. Созданное им «Шеджере», пусть в наивной форме традиционной «Родословной», отражает тот же процесс развития национального самосознания каракалпакского народа, складывавшегося в условиях жестокой борьбы с хивинскими ханами-поработителями.

Однако эти призывы передовых мыслителей туркменского и каракалпакского народов остались втуне. Хозяйственная отсталость туркмен и каракалпаков, стойкость традиций патриархально-феодальных отношений делали практически невозможным осуществление этих прогрессивных стремлений. Феодалы туркмен и каракалпаков была весьма мало заинтересована в реализации этих стремлений. Межплеменная борьба велась в интересах феодалов. Они же, как правило, извлекали немалую пользу из своих вассальных отношений с Хивой и Бухарой, а частично и с Ираном. Невозможность антифеодальной революции, о которой мы говорили выше, определявшаяся отсутствием класса — гегемона этой революции, привела к тому, что эти стремления представителей передовой демократической мысли, черпавших свою силу в стихийных антифеодальных движениях крестьянских масс, оказались неосуществленными, как оказались потерпевшими поражение и сами эти движения.

Еще сложнее складываются условия национальной консолидации узбекского и таджикского народов.

²⁰ Красное море.

²¹ Названия туркменских племен.

²² Махтум-кули, Стихотворения, Библиотека поэта (Большая серия), I, 1949, стр. 6.

²³ Там же, стр. 34—35.

²⁴ См. С. Бассин, Бердах-шаир — великий поэт-патриот, Нукус, 1943.

Оба эти народа характеризовались значительно более высоким уровнем экономического и культурного развития, чем туркмены и каракалпаки. Но — и в этом сказалось одно из противоречий исторического развития — национальное самосознание оформилось здесь в значительно меньшей степени, чем у туркмен и каракалпаков. На первое место здесь выступало самосознание религиозное — средневековое представление о единстве всех мусульман — и, также средневековое, самосознание областное. Узбекская народность до середины XIX в. была еще очень далека от сложения в нацию. Она была раздроблена процессом областной централизации на три государства, ни одно из которых не могло подчинить себе другие. Мало того, и внутри каждого из этих государств узбекская народность, несмотря на ее доминирующее положение, далеко еще не консолидировалась, распадаясь на племенные и локальные группы, многие из которых даже формально не причисляли себя к узбекскому народу (так называемые «сарты» во многих городах и сельских местностях Хорезма и Коканда, кыпчаки в Коканде, так называемые кураминцы, «тюрки» и т. д.). При этом внутренняя административная система ханств закрепляла эти деления. Так, например, в Хивинском ханстве «сарты» управлялись назначенными ханом хакимами, в то время как «узбеки» в узком смысле слова — родоплеменными старейшинами: наibaми или инаками. Но и «узбеки» далеко не представляли единства, распадаясь на множество (традиционной, хотя и не точной, была цифра 92) крупных и мелких родоплеменных групп, возглавленных своими феодальными вождями и находившихся между собой часто в весьма острых политических отношениях. Так, история Хорезма в XVII—XVIII вв. наполнена кровавой борьбой между узбекскими племенами «уйгур», «дурмен», «кунграт» и другими, причем некоторые из этих племен в процессе усобиц были почти полностью уничтожены.

История Бухары в начале XIX в. наполнена восстаниями узбекских племен против узбекских же эмиров. Самым значительным было восстание племен кытай и кыпчак 1821—1825 гг.²⁵

Правда, осознание национального единства узбекского народа выступает в творчестве его передовых мыслителей, которые, как узбекский поэт XVII в. Турды, живший в Бухарском ханстве, призывают своих соотечественников:

Не называйте того «кыпчаком», того «хитаем», того «найманом»,
Объедините бесчисленные роды «юз» и «кырк!»²⁶.

Однако на практике процесс объединения узбекских племен и в XIX в. оставался далеко не завершенным.

Хотя основы развития новоузбекской литературы были заложены еще великим Навои, Бабуром, Турды и другими писателями XV—XVII вв., однако вплоть до начала XX в. в Бухаре и Коканде официальным языком государства и преобладающим языком литературы оставался таджикский. Только в Хорезме, где таджикская речь никогда не имела никакой опоры в народном языке, уже в XVII в. узбекский язык становится единственным государственным и литературным языком и находит своего горячего пропагандиста в знаменитом хане-историке Абульгази. Характерно при этом, что еще в XIX в. хивинские хроники Муниса и Агахи именуют Бухару, где численно преобладали узбеки и у власти стояли узбекская династия и узбекские феодалы, «страной таджиков» и бухарские войска — «войсками таджиков»²⁷.

²⁵ П. П. Иванов, Восстание кытай-кыпчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937.

²⁶ «История народов Узбекистана», II, Ташкент, 1947, стр. 95.

²⁷ См., например, Зубдет-ат-Таварих Агахи, рукопись, Институт востоковедения Академии Наук СССР, 590, ов, стр. 412 и сл.

Этот же глубоко противоречивый характер узбекско-таджикских отношений привел к тому, что таджикская торговая буржуазия и буржуазная интеллигенция ни в какой мере не возглавили национально-освободительную борьбу таджикского народа против бухарского и кокандского ханов. Наоборот, забегаая вперед, отметим, что в начале XX в., когда в Средней Азии получают развитие буржуазно-националистические течения, таджикские «джадиды» выступают под знаменем не только панисламизма, но и пантюркизма, полностью предавая интересы своего собственного народа и руководствуясь своими узкоэгоистическими классовыми интересами.

Нельзя не вспомнить в этой связи слова И. В. Сталина: «Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова ее цель. Отсюда ее желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»²⁸.

К интересующему нас времени в бассейне Зеравшана в Фергане преобладающая часть таджикского сельского населения была узбекизирована. Таджики составляли здесь преобладающее ремесленное и торговое население городов, причем и здесь они были в основной массе двуязычны.

Действуя на территории со смешанным, преимущественно узбекским сельским населением, таджикские буржуазные «националисты» долины Зеравшана и Ферганы были весьма мало заинтересованы в судьбах таджикского крестьянства, основные массы которого были сосредоточены в отсталых горных районах юго-восточной Бухары и подвергались жестокому двойному гнету со стороны своей собственной феодальной верхушки, всякого рода «миров», «ша» и т. п., и со стороны узбекской феодальной знати и узбекского и таджикского военно-чиновничьего аппарата Бухарского ханства. Отсюда стремление таджикской торговой буржуазии выступать не столь под национальными, сколь под религиозными лозунгами.

III

Подчинение Средней Азии царской России не могло, естественно, содействовать разрешению раздиравших среднеазиатские ханства национальных противоречий. Как раз напротив. Как писал товарищ Сталин еще в 1904 году, «...единственная цель русского самодержавия заключается в том, чтобы рассорить нации, населяющие Россию, обострить между ними национальную рознь...»²⁹

Вхождение народов Средней Азии в состав Российской империи было фактом объективно прогрессивным, ибо, как правильно отмечает ряд советских историков Средней Азии, «Средняя Азия после присоединения к России получила возможность приобщиться к передовой культуре русского народа. Она была вместе с тем спасена от перспективы быть захваченной английским империализмом и превратиться в его колонию»³⁰.

Присоединение Средней Азии именно к России дало возможность трудящимся массам народов Средней Азии примкнуть в своей освободительной борьбе к самому передовому революционному движению этой эпохи. Уже в 1882 г. Маркс писал в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста»: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»³¹.

²⁸ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 305.

²⁹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 36.

³⁰ Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 410.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, Госполитиздат, 1948, стр. 14.

«В результате трудящиеся таджики, узбеки и другие народы Средней Азии смогли присоединиться к революционному движению русского пролетариата под руководством большевистской партии. Таким образом, присоединение феодально отсталой Средней Азии к России сыграло в конечном счете большую прогрессивную роль»³².

Однако царское самодержавие и российский капитализм не были ни в какой мере причастны к этой объективно прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России. Наоборот, они делали все от них зависящее, чтобы свести к минимуму эту роль.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин»³³.

Административное устройство русских владений в Средней Азии меньше всего преследовало цель содействия национальной консолидации народов Средней Азии. Наоборот. Разорванность и чересполосность отдельных национальностей была еще более усилена. Узбеки оказались разделенными между Бухарой, Хивой, Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской областями русского Туркестана, таджики — между Бухарой и теми же областями Туркестана, туркмены — между Бухарой, Хивой и Закаспийской областью, киргизы — между Семиреченской и Ферганской областями и, частично, Бухарой, каракалпаки — между Хивой и Аму-дарьинским отделом Сыр-дарьинской области. Кроме того, значительные массивы туркменского, узбекского и особенно таджикского населения в империалистическом дележе «сфер влияния» между Россией и Англией были оставлены за пределами границ туркестанских владений России и переданы в состав Персии и Афганистана, где и по сейчас находятся под жестоким тройным гнетом своих собственных и афганско-иранских феодалов и англо-американского империализма.

IV

«Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир», — писал еще в 1913 г. в своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин³⁴.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к выходу из того запутанного узла национальных противоречий, колониального и национального гнета, феодально-колониальной отсталости, который характеризует положение народов Средней Азии накануне Октября.

Практическое применение к жизни тех принципов, которые были выработаны в отношении национального вопроса Лениным и Сталиным, нашло свое отражение в одном из первых декретов Октября — подпи-

³² Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 411. См. также аналогичные выводы А. К. Каррыева в его работе «Сношения туркмен с Россией до 80-х годов XIX века» (тезисы докладов на Юбилейной сессии, посвященной 25-летию ТССР), ТуркФАН, Ашхабад, 1950, стр. 5.

³³ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 356 (разрядка наша.— С. Т.).

³⁴ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 311—312.

санной 2 (15) ноября 1917 г. обоими великими вождями партии пролетариата «Декларации прав народов России». Этим документом всемирно-исторического значения, открывшим новую эпоху в истории национального вопроса, были провозглашены перед всем миром:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»³⁵.

Л. М. Каганович в своей речи на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР 16 января 1950 г. говорил: «...празднуя сегодня двадцатипятилетие образования своей республики, узбекский народ одновременно празднует тридцатидвухлетие своего освобождения, которого он добился вместе со всеми народами нашей страны в Великой Октябрьской социалистической революции под гениальным руководством великих Ленина и Сталина»³⁶.

Победой Великого Октября датируется начало национального возрождения народов Средней Азии, трудящиеся массы которых «глубоко осознали и претворили в жизнь указание товарища Сталина о том, что «освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немислимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами»³⁷.

Контрреволюционная националистическая буржуазия Средней Азии, пытавшаяся противопоставить советскому правительству свое «автономное правительство» (так называемая «Кокандская автономия»), объединившее под своими потрепанными знаменами буржуазные и феодальные элементы различных национальностей «мусульман» Туркестана, потерпела жестокий крах.

«Восстание туркестанской бедноты и бегство «автономного правительства»... продемонстрировало «...полную оторванность окраинных «правительств» от «своих» трудовых масс»³⁸.

Подлинную автономию трудящиеся массы Туркестана обрели в провозглашенной 30 апреля 1918 г. Туркестанской Советской Социалистической Республике, героическая борьба народов которой, при братской помощи русского народа и под руководством партии большевиков, против «своих», «национальных» угнетателей, против охвостьев русских контрреволюционеров и империалистических, в особенности английских, интервентов — заложила основы подлинного раскрепощения народов Средней Азии. Восстание трудящихся масс Бухары и Хивы против эмира и хана, создание Бухарской и Хорезмской народных республик, упорная борьба руководимых коммунистами народных масс этих республик против пробравшихся к власти представителей национальной буржуазии — «младобухарцев» и «младохивинцев», закончившаяся превращением этих республик в советские республики, — поставили в рядок дня новые задачи советского национального строительства в Средней Азии.

Уже 13 июня 1920 г. В. И. Ленин в своих замечаниях на проекте Туркестанской комиссии ставит в качестве очередной задачи:

³⁵ Цит. по сборнику документов «Образование СССР», М.—Л., 1949, стр. 20.

³⁶ «Правда», 21 января 1950 г.

³⁷ Там же.

³⁸ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 162.

«1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»³⁹.

Таким образом, великим основателем Советского государства немедленно после завершения гражданской войны в Туркестане ставится, как неотложная очередная задача, научная подготовка национального размежевания Средней Азии

Партии пришлось провести большую, колоссального исторического значения работу по воспитанию трудящихся масс, в особенности в самых отсталых углах Средней Азии — в пределах бывших Бухарского и Хивинского ханств, где политическое влияние национальной буржуазии и феодалов, мусульманского духовенства и племенной аристократии было особенно сильно, где народные массы были особенно забиты и культурно отсталы. Итогом этой работы было создание возможности в о с с о е д и н е н и я разорванных частей среднеазиатских народностей в целостные суверенные советские национальные государства. Впервые в истории узбеки и туркмены смогли создать свои суверенные национальные государства, государства советские, социалистические; впервые таджики, киргизы, каракалпаки получили национальную автономию; при этом государства первых двух народов — одного через 5 лет, другого через 11 лет — также стали союзными республиками.

То, что было практически недостижимо в рамках буржуазного строя, то, о чем могли только мечтать передовые мыслители народов Средней Азии, такие, как Махтум-кули, Турды, Бердах, стало возможно осуществить через 7 лет после победы Великого Октября, через 4 года после окончания гражданской войны и империалистической интервенции, через 4 года после того, как задача национального размежевания Средней Азии была гениально намечена Лениным.

«...большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока... Для того, чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев разъяснительной пропаганды»⁴⁰.

Если завершение процесса консолидации буржуазных наций узбеков, туркмен, таджиков, киргиз, каракалпаков оказалось практически невозможным, так как на его пути стояли феодально-патриархальная отсталость, феодальная и племенная раздробленность, закреплявшиеся и культивировавшиеся царизмом, то Октябрьская революция явилась предпосылкой возникновения и развития на развалинах этих, так до конца и не сложившихся буржуазных наций — новых, социалистических наций, являющихся «гораздо более сплоченными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»⁴¹.

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими, — пишет товарищ Сталин, — Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнета во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма;

³⁹ Ленинский сборник, т. XXXIV, 1942, стр. 326.

⁴⁰ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 137.

⁴¹ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 341.

единый фронт со всеми угнетенными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма,— таков духовный и социально-политический облик этих наций»⁴².

V

Оглядываясь на путь, пройденный советскими республиками Средней Азии за 32 года советской власти, за 25 лет существования этих республик, нельзя не поразиться гигантским масштабам исторических перемен. 32 года, 25 лет — очень небольшой срок в исторической жизни любого народа. Но это были годы, несоизмеримые и с сотнями лет предшествующей, дооктябрьской их истории. Это были годы новой, социалистической жизни, раскрепостившие лучшие силы народов, открывшие источники небывалой творческой энергии трудящихся масс. Это были годы, прошедшие под знаком неизменно растущей и крепнущей нерушимой сталинской дружбы свободных советских народов, братской их взаимопомощи, бескорыстной помощи ушедших вперед членов великой советской семьи своим в недавнем прошлом более отсталым братьям. И пройденный путь может быть измерен только новым масштабом — масштабом великой сталинской эпохи.

Этот путь — яркое доказательство глубокой верности гениального прогноза Ленина (1920 г.) о том, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁴³.

Это положение, блестяще теоретически разработанное в целом ряде трудов товарища Сталина, легло в основу ленинско-сталинского учения о некапиталистическом пути развития отсталых народов, сталинского учения о путях ликвидации фактического, т. е. хозяйственного и культурного неравенства национальностей Союза Республик⁴⁴.

«Товарищ Сталин дал развернутую программу социалистического строительства в советских республиках Востока, указав на необходимость создания промышленных очагов, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса, поднятия сельского хозяйства и, прежде всего, орошения, развертывания дела кооперирования широких масс крестьян и кустарей, приближения советов к массам, насаждения национально-советской государственности, близкой и понятной трудящимся массам, развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, насаждения широкой сети курсов и школ на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей»⁴⁵.

Прошедший юбилей республик Средней Азии явился смотром выполнения этой великой Сталинской программы. Узбекистан, отсталый колониальный Узбекистан, аграрный придаток царской России, где основным отрядом рабочего класса являлись железнодорожные рабочие и немногочисленные пролетарии хлопкоочистительных и маслобойных предприятий, стал передовой индустриально-колхозной республикой. Здесь работает свыше 150 текстильных, шелкообрабатывающих, швейных предприятий; создана химическая промышленность, в том числе гигантский Чирчикский электрохимический комбинат им. Сталина, созданы развитое, — в особенности сельскохозяйственное, машиностроение, угольная и нефтяная промышленность, черная металлургия

⁴² И. Сталин, Соч., т. IV, стр. 339.

⁴³ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 354.

⁴⁴ См. И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 187—188.

⁴⁵ Л. М. Каганович, Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР, посвященной 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики, 16 января 1950 г., «Правда», 21 января 1950 г.

(вступил в строй Узбекский металлургический завод), создана мощная энергетика, насчитывающая в своей системе свыше 800 электростанций, в том числе такую, как Фархадская ГЭС.

«Только за годы Сталинских пятилеток, в период Отечественной войны и в послевоенный период введено в действие свыше 900 крупных предприятий. За эти годы в промышленность вложено около 7 млрд. рублей. Продукция тяжелой промышленности возросла по сравнению с 1913 г. в 215 раз, а ее удельный вес в 1948 г. составил 42,3%»⁴⁶.

Туркмения — отсталая страна патриархально-феодалного быта, страна пустынь, население немногочисленных оазисов которой, эксплуатируемое «своими» ханами и баями и российским капитализмом, обрабатывало землю прадедовскими примитивными орудиями, — стала страной передовой индустрии. В ее экономике удельный вес социалистической промышленности занимает свыше 70%. Построено и реконструировано полностью 352 крупных предприятия, на которых работают многие десятки тысяч рабочих вместо 3 тысяч рабочих, имевшихся в Закаспийской области (включая Закаспийскую железную дорогу). «Созданы новые отрасли промышленности; нефтеперерабатывающая, химическая, строительных материалов, текстильная, швейная, трикотажная, полиграфическая, стекольная и др.»⁴⁷.

Бурно развивается промышленность Советского Таджикистана. «В период первой пятилетки в строительство промышленности республики было вложено 82 миллиона рублей, во второй пятилетке — 195 миллионов рублей, за период 1938—1941 гг. — 323 миллиона рублей»⁴⁸.

Выросла промышленность в Каракалпакии — одном из самых отсталых уголков отсталой Средней Азии.

«Неуклонное проведение в жизнь ленинско-сталинской политики индустриализации бывших окраин царской России создало все условия для быстрого развития хлопкоочистительной и рыбной промышленности, а также для организации таких ранее не существовавших отраслей производства, как металлообрабатывающая, пищевая, швейная, обувная, строительных материалов и др.»⁴⁹.

Так полностью изменилось лицо страны. Ленинско-сталинская национальная политика создала мощную индустриальную базу для бурного расцвета всего народного хозяйства и культуры народов Средней Азии. Сталинский план создания промышленных очагов на Востоке выполнен партийными и непартийными большевиками среднеазиатских республик при братской помощи русского народа. Выросший в процессе реализации Сталинского плана многочисленный рабочий класс советских республик Средней Азии стал тем могучим ядром, вокруг которого сплотились миллионные массы крестьянства. Но и само крестьянство стало иным. Если тридцать два года назад сельское хозяйство народов Средней Азии было своего рода живым музеем тысячелетней отсталости, если техника сельскохозяйственного производства стояла на уровне раннего средневековья, а экономика характеризовалась самыми жестокими формами феодально-империалистической эксплуатации трудового крестьянства, все больше и больше превращавшегося в бесправных издолщиков-чайрикеров и безземельных мардикеров, влачивших полуголодную жизнь, то сейчас трудно узнать среднеазиатского крестьянина. Крестьянство Узбекистана, Туркмени-

⁴⁶ Л. М. Каганович, там же.

⁴⁷ Из обращения туркменского народа к товарищу Сталину, «Туркменская Искра», 29 января 1950 г.

⁴⁸ Из обращения таджикского народа к товарищу Сталину, «Коммунист Таджикистана», 18 декабря 1949 г.

⁴⁹ Н. Жапак о в, «Славное двадцатипятилетие», «Правда Востока», 18 декабря 1949 г.

стана, Таджикистана, Каракалпакии — это передовое колхозное крестьянство, опирающееся на самую передовую в мире социалистическую сельскохозяйственную технику. Победа колхозного строя в республиках Средней Азии создала предпосылки для развития высокотоварного сельского хозяйства, обеспечившего крестьянским массам зажиточную и культурную жизнь. Многие десятки колхозов-миллионеров являются вполне достижимым образцом для всех колхозов Средней Азии.

Коренным образом перестроена ирригационная сеть — основа основ среднеазиатского земледелия. Одним из первых хозяйственных мероприятий советской власти явился изданный 17 мая 1918 г., подписанный В. И. Лениным декрет «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ»⁵⁰. В этом сказались конкретная и практическая помощь партии и советской власти народам Средней Азии в основном, наиболее остром вопросе развития их хозяйства. С тех пор прошло всего три десятилетия, и намеченное Лениным и Сталиным преобразование среднеазиатской ирригации стало жизнью.

Орошена Голодная степь — задача, оставшаяся невыполнимой для царского правительства. «Голодная степь» стала степью богатой жизни передовых колхозов. Возникли десятки новых инженерных каналов — среди них такие, как Большой Ферганский канал, — десятки водохранилищ, полностью реконструирующих самую систему водного хозяйства Средней Азии. Возник новый, немыслимый в прошлом, метод ирригационного строительства — метод народной стройки, поднимающий на борьбу за победу над пустыней сотни тысяч колхозников. Если раньше, при власти ханов и царизма, работы на строительстве ирригации рассматривались крестьянством как народное бедствие, ибо на эти работы кнутом выгонялось беднейшее крестьянство (баи умели уклониться от этой обязанности), лишаемое этим возможности работать на своих собственных полях, если трудовое крестьянство знало, что плоды его трудов послужат лишь к обогащению байско-феодалской верхушки и капиталистических хлопковых компаний, содействуя дальнейшему обеднению народа, — сейчас каждый колхозник, выходя на ирригационное строительство, знает, что каждый вырванный у пустыни гектар земли — это его земля, земля трудящегося народа, что расширение орошаемых земель под высокопродуктивные сельскохозяйственные культуры, прежде всего под хлопок, ведет к росту его собственного благосостояния, роста богатства трудящегося народа, является предпосылкой создания новых и новых колхозов-миллионеров. Уходя на народную стройку, колхозник знает, что поля его колхоза будут обработаны оставшимися там его товарищами, что он, работая на строительстве, получит все, что ему причитается за полновесные колхозные трудоводни, как и те, кто работает на полях колхоза.

В одном Узбекистане методом народной стройки создано более двадцати новых крупных ирригационных каналов. «Всего за годы советской власти пропускная способность ирригационной сети выросла по сравнению с 1913 г. на 68 процентов»⁵¹.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о развитии хлопководства от 4 февраля 1949 г. — составная часть великого Сталинского плана преобразования природы — предусматривает по одному Узбекистану расширение посевной площади ирригационных земель под хлопок к 1952 г. до 1100 тыс. гектаров с одновременным повышением урожайности до 25 ц с гектара.

⁵⁰ Цит. по сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», стр. 54 сл.

⁵¹ Л. М. Каганович, Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР, посвященной 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики, 16 января 1950 г., «Правда» 21 января 1950 г.

«Необходимо также ясно представлять себе перспективы развития хлопководства в республике на более длительный период. Речь идет о том, чтобы к 1957—1958 гг. увеличить производство хлопка в республике до 4 миллионов тонн, для чего расширить площади поливных земель до 2,8—3 миллионов гектаров, посевные площади хлопка — до 1 миллиона 300 тысяч — 1 миллиона 350 тысяч гектаров, повысить урожайность до 30 центнеров с гектара и одновременно расширить посевы люцерны в севооборотах до 700—750 тысяч гектаров»⁵².

Таковы грандиозные перспективы ближайшего будущего узбекского народа. Аналогичны перспективы дальнейшего расцвета других братских республик Средней Азии.

Выполнено, таким образом, и второе и третье предначертание Сталинского плана развития советских республик Востока: в небывалых масштабах развилось сельское хозяйство, прежде всего орошение, завершено дело кооперирования широких масс крестьянства — единственной формой крестьянского хозяйства в республиках Средней Азии стали колхозы, обеспечившие народу зажиточную и культурную жизнь.

Мы говорили уже выше о замечательной победе национально-советской государственности, о выполнении четвертой задачи, поставленной товарищем Сталиным. С ней неразрывно связана и пятая задача — развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Средней Азии. Осуществление ленинско-сталинской национальной политики явилось предпосылкой для небывалого, немислимого ни при каких иных условиях роста культуры народных масс.

До революции в Узбекистане было всего 2% грамотного населения — в основном представителей имущих классов. Уже к 1941 г. процент грамотных по УзССР достиг 95,2%. Число учащихся в школах достигло 1 миллиона, в 70 раз превысив дореволюционную цифру⁵³. До революции на территории Узбекистана не было ни одного вуза. Сейчас в Узбекской ССР имеется 34 вуза, в том числе два государственных университета — в Ташкенте и Самарканде, 92 техникума. За 1928—1949 гг. вузы и техникумы окончило свыше 80 тыс. человек⁵⁴.

В Туркменистане до революции было менее одного процента грамотных. В 11 школах обучалось всего несколько сот байских детей. Расходы на народное образование составляли 5 копеек на душу населения. Сейчас Туркменистан стал страной сплошной грамотности. Введено всеобщее обязательное семилетнее обучение. В 1230 школах учится свыше 200 тыс. детей. На территории Туркмении не было до Октября ни одного высшего учебного заведения. Сейчас их шесть (сельскохозяйственный, медицинский, педагогический, 3 учительских института), не считая 29 специальных средних учебных заведений. В них учится свыше 10 тыс. юношей и девушек⁵⁵.

«До Октябрьской революции на территории нынешнего Таджикистана было 10 религиозных школ, где обучалось 369 детей эмирских чиновников, мулл и ишанов. Сейчас в республике работают три тысячи школ, сорок высших и специальных средних учебных заведений, Таджикский государственный университет», — писал таджикский народ в своем обращении к великому Сталину в день двадцатилетия ТаджССР⁵⁶.

⁵² См. У. Юсупов, Отчетный доклад о работе ЦК КП(б) Уз. на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана, «Правда Востока», 2 марта 1949 г.

⁵³ Л. М. Каганович, Там же.

⁵⁴ См. Т. А. Сарымсаков, По сталинскому пути, «Вестник АН СССР», 1949, № 12.

⁵⁵ См. Ш. Батыров, Торжество ленинско-сталинской национальной политики, «Туркменская Искра», 29 января 1950 г.

⁵⁶ «Коммунист Таджикистана», 18 декабря 1949 г.

До Великой Октябрьской социалистической революции процент грамотных в Каракалпакии не превышал 0,3. На всей территории Аму-дарьинского отдела было всего 3 школы. Сейчас в 489 школах обучается свыше 76 тыс. учащихся. В школах Каракалпакии работают более 3 тыс. учителей⁵⁷. О вузах дореволюционная Каракалпакия не могла и мечтать. Сейчас в республике работают Каракалпакский государственный педагогический и учительский институты, сельскохозяйственный, финансовый, медицинский техникумы, 4 педагогических училища, музыкальная школа⁵⁸. Многие десятки каракалпаков учатся в специальных высших учебных заведениях в городах Узбекистана и в столице нашей Родины — Москве.

Не менее поразительны успехи республик Средней Азии в деле подготовки кадров научных работников из местных национальностей, в деле строительства научных учреждений.

Узбекский и таджикский народы по праву гордятся великими достижениями своих предков в различных областях науки. Имена Абу-Али ибн-Сина (Авиценны), Бируни, Улугбека и десятков других математиков, астрономов, естествоиспытателей, историков средневекового Узбекистана и Таджикистана вписаны золотыми буквами в книгу истории науки. Но обстановка позднего средневековья и колониального периода мало способствовала развитию научного творчества. Религиозное мракобесие, колониальное бесправие душили и давили проблески научной мысли у народов Средней Азии.

За 32 года советской власти положение коренным образом изменилось. В Узбекистане создана своя Академия Наук — подлинный штаб науки республики. В республике имеется 95 научно-исследовательских институтов, где работают 25 докторов и 200 кандидатов наук — узбеки⁵⁹. В Таджикистане сеть научных учреждений возглавляется Таджикским филиалом Академии Наук СССР, состоящим из 6 научно-исследовательских институтов — Геологического, Ботанического, Зоологического, Животноводческого, Химического и Института истории языка и литературы, добившихся крупных успехов в своей работе. Среди ученых, работающих в институтах, большое число кандидатов и 3 доктора наук (историк, филолог, геолог) — таджики⁶⁰.

Туркменский филиал Академии Наук СССР — штаб науки в Туркмении. Им объединены 5 научно-исследовательских институтов. Вокруг него группируются десятки научно-исследовательских учреждений различных ведомств. В числе ученых филиала 6 докторов и 34 кандидата наук — туркмены, выращенные советской властью⁶¹.

В Каракалпакии научным центром является Научно-исследовательский институт экономики и культуры, входящий в систему Академии Наук УзССР. В Институте работают первые каракалпаки — кандидаты филологических и исторических наук. Ряд каракалпаков являются докторантами и аспирантами институтов Академии Наук СССР, и недалеко то время, когда кадры ученых-каракалпаков получат значительное подкрепление.

В развитии науки в советских республиках Средней Азии с не меньшей яркостью, чем в других областях государственного, хозяйствен-

⁵⁷ См. В. Ефанов, Советская Каракалпакия на подъеме, «Правда Востока», 13 декабря 1949 г.

⁵⁸ См. Н. Жапаков, Славное двадцатипятилетие, «Правда Востока», 18 декабря 1949 г.

⁵⁹ Из обращения узбекского народа к товарищу Сталину, «Правда», 19 января 1950 г.

⁶⁰ См. Акад. Е. Н. Павловский, Успехи науки в Таджикистане, «Коммунист Таджикистана», 14 декабря 1949 г.

⁶¹ См. Ш. Батыров, Торжество ленинско-сталинской национальной политики, «Туркменская Искра», 28 января 1950 г.

ного и культурного строительства, дала свои плоды сталинская дружба народов. Самый крупный научный центр Средней Азии — Академия Наук УзССР — выросла из Узбекистанского филиала АН СССР. Развитие науки в Узбекистане протекало и протекает при неизменной братской помощи русских ученых, гордящихся своими талантливыми учениками — молодыми узбекскими учеными, многие из которых добились высшей научной награды в нашей стране — премии имени Сталина. Ту же братскую помощь русские ученые и ученые других народов СССР неизменно оказывают в работе ученых и научных учреждений Туркмении, Таджикистана и Каракалпакии. Можно не сомневаться, что в ближайшие годы в системе научных центров СССР займут достойное место академии наук Туркменской и Таджикской ССР.

Ярче всего национальная форма социалистической культуры выступает в расцвете языка, письменности, литературы и искусства народов Средней Азии. Здесь с наибольшей полнотой нашли свое практическое воплощение гениальные слова товарища Сталина о том, что период социализма «создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»⁶², «... что партия поддерживает и будет поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны, что она будет поощрять дело укрепления наших новых социалистических наций, что она берет это дело под свою защиту и покровительство против всех и всяких антиленинских элементов»⁶³.

За короткое время, прошедшее после Великой Октябрьской социалистической революции, в области развития языков и письменности народов Средней Азии произошли гигантские изменения. Хотя письменность этих народов и имела многовековые традиции, однако, поскольку не завершился процесс национальной консолидации, не могла быть создана единая система письменности каждой нации, ибо у отдельных народов Средней Азии не было и национальных литературных языков в подлинном смысле этого слова. Письменность и литература развивались на областных и племенных диалектах, мало понятных для жителей других областей. Они пользовались чуждой тюркским и иранским народам Средней Азии, приспособленной к нормам семитской речи арабской графикой, обусловливавшей невозможность сложения единой системы орфографии каждого языка. Нередко одно и то же слово у одного и того же автора (причем автора весьма грамотного для тех времен) писалось на три-четыре разные манеры. Литературный язык был чрезвычайно засорен архаическими, непонятными народу формами — арабизмами, фарсизмами, проникавшими не только в лексику, но и в морфологию и синтаксис литературной речи, удаляя ее от языка народных масс.

Грандиозная работа по созданию национальных литературных языков и письменности на основе русской графики привела к результатам колоссального исторического значения. Созданные в итоге этой работы новые литературные языки стали орудием приобщения широчайших народных масс к новой советской культуре. На этих языках изданы массовыми тиражами произведения классиков марксизма — Ленина, Сталина. На этих языках созданы прекрасные произведения новой, советской национальной литературы народов Средней Азии. Национальные языковые и поэтические средства, национальный материал сочетаются в этих произведениях с общим для всех литератур народов СССР творческим методом социалистического реализма, который, «являясь

⁶² И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

⁶³ Там же, стр. 354.

основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При эт правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки воспитания трудящихся в духе социализма»⁶⁴.

Помимо множества прекрасных произведений поэзии — таких, как удостоенные Сталинской премии патриотические стихи таджика Мирз Турсун-Задэ, как тонкая лирика туркмена Кара Сейтлиева, как прекрасные поэтические произведения безвременно погибшего узбекского поэта Хамида Алимджана, как насыщенные советским патриотизмом стихи каракалпака Жолмурзы Аймурзаева, — писатели Средней Азии создали выдающиеся произведения прозаического жанра, большие художественные полотна, вошедшие в золотой фонд советской литературы. Достаточно назвать такие произведения, как «Дохунда», «Рабы» «Воспоминания (Бухара)» старейшины таджикской советской литературы, лауреата Сталинской премии Садреддина Айни, как роман лауреата Сталинской премии туркмена Берды Кербабоева «Решающий шаг», как романы узбекского писателя Айбека «Священная кровь» «Навои», чтобы убедиться в исключительной значимости того вклада который литературы республик Средней Азии внесли в сокровищницу советской литературы.

Блестящи успехи театра народов Средней Азии — драмы, оперы, балета. Певцы туркменской оперы, наряду с произведениями национального репертуара, подарили туркменскому народу великолепное воплощение на туркменском языке такого замечательного произведения русской классики, как «Евгений Онегин». Пожалуй, наиболее поразительным фактом является создание туркменским народом, никогда не имевшим национального танца, — великолепного, тонкого балетного искусства.

Не менее ярок расцвет советского киноискусства республик Средней Азии. Такие, всему советскому народу известные произведения, как «Навои» — создание Узбекской киностудии, показавшее замечательное мастерство узбекских киноактеров и режиссуры, как «Далекая невеста» — произведение Туркменской киностудии, — убедительно свидетельствуют об этом расцвете.

Трудно в рамках небольшой статьи осветить всю грандиозность исторических сдвигов, пережитых народами Средней Азии за годы советской власти. Но и сказанного достаточно для того, чтобы судить, какие результаты дало осуществление гениального сталинского плана подъема хозяйства и культуры народов Советского Востока, как осуществление этого плана легло в Средней Азии в основу процесса консолидации наций нового, социалистического типа.

«Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой Советской власти», — говорил товарищ Сталин в своей речи «О политических задачах Университета народов Востока» в 1925 г.⁶⁵

Место стихийных, мучительных, тянувшихся многими веками процессов консолидации буржуазных наций, сопровождавшейся жестокими войнами, угнетением и насильственной ассимиляцией национальных меньшинств, разжиганием буржуазного национализма и шовинизма,

⁶⁴ Из Устава Союза советских писателей. Цит. по А. Фадееву, О задачах литературной критики, «Литературная газета», 4 февраля 1950 г.

⁶⁵ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 138 (разрядка наша. — С. Т.).

заял процесс совсем иного типа, процесс консолидации социалистических наций, протекающий под эгидой советской власти, при руководящей роли в этом процессе рабочего класса и его интернационалистической партии. Этот процесс, как и вся политика нашей партии, лишен элементов стихийности. Его основу составляют научно познанные, освещенные марксистско-ленинской теорией тенденции прогрессивного развития народов; реализация этих тенденций осуществляется под руководством партии и базируется на подлинно-интернационалистических принципах братской помощи ушедших вперед народов своим, не по своей вине, как подчеркивает товарищ Сталин, отставшим в прошлом братьям.

Так сочетался экономический и культурный расцвет новых, социалистических наций с развитием и укреплением интернациональных связей, так выковывалась сталинская дружба народов, с честью выдержавшая жестокое испытание нашествия гитлеровских орд, в борьбе с которыми эта дружба еще более закалилась и окрепла.

VI

Победа сталинской национальной политики в Средней Азии — факт, значение которого выходит далеко за национальные рамки самих среднеазиатских республик, за пределы территории нашего великого союзного государства.

Еще 2 февраля 1919 г., в обращении к «Совдепам и партийным организациям Туркестана» товарищ Сталин писал:

«Следует принять к сведению, что Туркестан по своему географическому положению является мостом, соединяющим социалистическую Россию с угнетенными странами Востока, что ввиду этого укрепление Советской власти в Туркестане может возыметь величайшее революционизирующее значение для всего Востока»⁶⁶.

Эта идея проходит красной нитью через все последующие работы товарища Сталина, посвященные Средней Азии и Востоку. Эта идея находит свое яркое отражение в приветственных телеграммах товарища Сталина первым партийным съездам и конференциям вновь создаваемых советских республик Средней Азии.

«Объединение узбекских земель в одну республику является актом величайшей важности для всего Востока», — писал товарищ Сталин 9 февраля 1925 г. в своей приветственной телеграмме партийному курультая Узбекистана⁶⁷.

«Привет Таджикистану — новой советской республике трудящихся у ворот Индостана... Работники Таджикистана! Подымайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплывайте вокруг себя лучших сынов родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко держащими в своих руках знамя освобождения»⁶⁸.

Эти указания товарища Сталина выполнены советскими республиками Средней Азии. Огромно то революционизирующее воздействие на пробудившиеся народные массы колониальных и полуколониальных стран Востока, которое оказывают замечательные успехи строительства национальной советской государственности, народного хозяйства и социалистической по содержанию, национальной по форме культуры народов Средней Азии.

Выдающийся таджикский поэт, лауреат Сталинской премии Мирзо Турсун-Задэ рассказывает о своих недавних встречах с трудящимися Пакистана, живущими той же страшной жизнью, которой всего три

⁶⁶ И. Сталин, *Соч.*, т. 4, стр. 230.

⁶⁷ Сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», стр. 221.

⁶⁸ Там же, стр. 223.

десятилетия назад жили трудящиеся массы порабощенных таджиков.

«То были,— рассказывает поэт о своих собеседниках,— люди сплошь неграмотные. Они не знали не только газет, книг, детских тетрадок, но даже очага и полотенца в своей семейной ночлежке. Здесь были чайники, работающие за четвертую долю урожая, и батраки, получающие пятнадцать рупий в месяц. Те и другие могут предложить членам своей семьи одну лепешку в день, а иногда даже через день, дополнительную единственную доступную беднякам пищу — съедобной травой».

...Я говорю о том, что некоторые наши хлопкоробы к вечеру возвращаются домой с поля в собственном автомобиле. Человек с белой тряпкой вокруг чресел настолько поражен этим и так далек даже в мыслях от подобных вещей, что тут же спрашивает:

— А... сыт ли этот автомобилевладелец?

И жена его спрашивает:

— Верно ли, что крестьяне-таджики каждый день едят варено?

...Я слышу однообразные, одни и те же вопросы на тему: «Неужели все сыты?» или «Но как живут бедные?»

Я задумываюсь: как же, какими словами объяснить этим людям, что в нашей республике, например, есть Ленинадская долина — ее теперь именуют «Долиной миллионеров», — где не существует ни одного колхоза, который не был бы миллионером? Я рассказываю об этом, а в ответ слышу:

— Но ведь это богатые хозяйства, а в богатом хозяйстве беднякам везде живет хуже...

— Ах, друзья мои! — говорю я, потрясенный, — да ведь это их общее хозяйство, все они, эти люди, очень богаты»⁶⁹.

Это пристальное внимание народов колониального Востока к тому, что творится в республиках Советского Востока проникает через «железный занавес» клеветы и дезинформации, воздвигнутый империалистами на границах Советской страны и стран народной демократии.

Индусский либеральный историк Кумар Гошал в своей книге «Народ в колониях» пишет: «До революции 1917 года таджики, узбеки, киргизы и другие народы советских азиатских республик были такими же отсталыми, как всякие другие колониальные народы. После революции, в течение жизни менее чем одного поколения, эти народы добились экономического, политического и культурного прогресса и далеко обогнали любой другой народ Азии»⁷⁰.

Известный английский исследователь индийских проблем, индус по происхождению Р. Пальм Датт, в своей книге «Индия сегодня» дает развернутое сопоставление положения народов Индии и народов советских среднеазиатских республик, приходя к выводу, неизбежному для всякого объективного наблюдателя:

«...разница между Советским Союзом и Индией поистине разительна. В Советском Союзе — цивилизация, в Индии — колониальное варварство»⁷¹, и дальше: «Наблюдая пример быстрого развития равноправных среднеазиатских советских республик, неизбежно ощущаешь чувство горькой обиды за Индию, которую империалисты продолжают угнетать и эксплуатировать. Все это вызывает у индийского народа чувство ненависти к своим британским поработителям, но вселяет также чувство надежды и уверенности в будущее развитие Индии, которое может быть достигнуто, когда империалистическое иго будет свергнуто и индийский народ станет хозяином своей собственной страны»⁷².

Давно прошло то время, когда империалисты-колонизаторы имели

⁶⁹ Мирзо Турсун-Заде, За горами Таджикистана, «Литературная газета» 4 февраля 1950 г.

⁷⁰ Кумар Гошал, Народ в колониях, М., 1949.

⁷¹ Р. Пальм Датт, Индия сегодня, М., 1948, стр. 73.

⁷² Там же, стр. 80.

дело с безропотной массой колониальных рабов, которых можно было безнаказанно угнетать.

«...Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом»,— писал в 1918 г. товарищ Сталин ⁷³.

Такие всемирно-исторические события, как победа народной демократии в Китае, приобщившая четырехсотпятидесятиmillionный китайский народ к строительству социализма, как раскрепощение Северной Кореи, как героическая борьба двадцатимillionного вьетнамского народа против империализма за подлинную демократию, как трагическая эпопея борьбы семидесятиmillionного населения Индонезии против американских, английских, голландских империалистов и «своих» «собственных» эксплуататоров, приспешников колонизаторов,— все это факты первостепенной исторической важности, свидетельствующие о том, что поворот к старому уже невозможен, что какие бы испытания ни стояли еще на пути поднявшихся на борьбу за освобождение народов Востока,— победа их неизбежна.

«...мы должны здесь, в России, в нашей федерации, национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелые резервы революции, и тем усилить их доверие, тягу к нашей федерации»,— говорил товарищ Сталин на XII съезде РКП(б) ⁷⁴.

Подлинно интернационалистическая политика нашей партии, руководимой великим Сталиным, являлась и является залогом этого доверия. Правильное, образцовое, сталинское разрешение национального вопроса в республиках Средней Азии, с полной, несокрушимой убедительностью выступающее в итогах их двадцатипятилетия, являлось и является для всех вставших на путь освобождения, как и для еще угнетенных народов зарубежного Востока маяком, освещающим им путь к уже недалекому светлому будущему — сталинский путь к коммунизму.

⁷³ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 164.

⁷⁴ И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 261.